A 161/10

Д 101
10.

О ВОЛОСТНЫХЪ И СЕЛЬСКИХЪ СУДАХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ И НЫНѢШНЕЙ РОССІИ,

Н. В. КАЛАЧОВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ [1]).

Въ числѣ разныхъ отдѣловъ нынѣшняго русскаго судоустройства и судопроизводства несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ представляется съ перваго взгляда, принадлежитъ нашимъ крестьянскимъ судамъ, такъ называемымъ *волостнымъ* и *сельскимъ*. Дѣйствительно, эти суды, имѣющіе своей задачей охрану и возстановленіе правовыхъ отношеній многихъ десятковъ милліоновъ нашего сельскаго населенія, заслуживаютъ самаго серьезнаго и всесторонняго вниманія. Но, съ другой стороны, исторія ихъ далеко не сходна съ возникновеніемъ и судьбою нашихъ

---

[1]) Статья эта читана на одной изъ вечернихъ бесѣдъ въ Археологическомъ Институтѣ, и въ такомъ видѣ представляетъ лишь сжатый очеркъ цѣлаго сочиненія, которое обрабатывается мною подъ приведеннымъ заглавіемъ, при чемъ самую цѣнную часть ея составятъ документы XVI и XVII столѣтій, которыя будутъ къ ней приложены. По этой же причинѣ я не останавливаюсь здѣсь въ отдѣльности на «копныхъ судахъ» древнихъ сельскихъ общинъ въ сѣверо-западной и юго-западной Россіи, тѣмъ болѣе, что о нихъ мы уже знаемъ изъ изданій Иванишева, Антоновича, Леонтовича и Новицкаго. Но цѣль моего настоящаго труда заключается не въ одномъ историческомъ изложеніи нашихъ народныхъ судовъ. Оканчивая печатаемую здѣсь *первую статью* критическимъ взглядомъ на нынѣшніе волостные и сельскіе суды, я имѣю въ виду въ слѣдующей за симъ *второй статьѣ* представить мои мысли относительно тѣхъ основныхъ положеній, которыя должны быть, по мнѣнію моему, приняты во вниманіе при необходимо предстоящемъ измѣненіи въ составѣ, предметахъ вѣдомства и дѣлопроизводствѣ означенныхъ судовъ. *Н. К.*

[Спб. 1880]

другихъ судебныхъ учрежденій. Своимъ извѣчнымъ, устойчивымъ строемъ волостные и сельскіе суды рѣзко отличаются отъ столь много измѣнявшейся въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, характеристики прочихъ судовъ, даже въ центральной части Россіи. Дѣлая однако такое строгое разграниченіе въ историческомъ ходѣ этихъ исконныхъ, по мнѣнію моему, народныхъ судовъ съ другими бывшими у насъ въ разные періоды и нынѣшними судебными учрежденіями, я не могу не сознаться, что тотчасъ же навлекаю на себя упрекъ и нашихъ практиковъ и нашихъ историковъ въ незнаніи или непониманіи настоящаго значенія какъ современныхъ намъ волостныхъ судовъ, такъ и судовъ такъ называемыхъ волостелей и другихъ судебныхъ органовъ древней Россіи. „Вы забываете, скажутъ мнѣ мои почтенные товарищи по редакціоннымъ коммиссіямъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія, что именно наши коммиссіи выработали независимость помѣщичьихъ крестьянъ и утвердили за ними самостоятельный народный судъ“. Правда, имъ возразятъ дѣльцы знаменитыхъ учрежденія и устава, начертанныхъ для государственныхъ крестьянъ въ управленіе ими графомъ Киселевымъ, что не съ 1861 года, а слишкомъ 20 лѣтъ ранѣе открыты у этихъ крестьянъ волостныя правленія и усвоены имъ волостныя и сельскія расправы, но и они укажутъ мнѣ на прежній бытъ казенныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ, какъ думаютъ обыкновенно, ничего общаго съ новыми волостными судами, а также на бытъ закрѣпощенныхъ подъ разными управленіями крестьянъ допетровской реформы, надъ которыми судъ поручался ихъ непосредственными властями поставленнымъ ими самими лицамъ, носившимъ разныя названія. Съ своей стороны, опираясь не только на сочиненія нашихъ лучшихъ историковъ русскаго права — Морошкина, Кавелина, Чичерина, Дмитріева, Бѣляева и многихъ другихъ, но и на самые акты, изданные разными обществами, коммиссіями и частными лицами, наши изслѣдователи, не смотря на ихъ неодинаковые выводы о степени самостоятельности крестьянъ въ древней Россіи, укажутъ мнѣ именно на эти важные матерьялы, доказывающіе, по общему мнѣнію, совершенную несостоятельность моего взгляда. Если — скажутъ они — и можно согласиться съ тѣмъ, что въ цѣлой огромной массѣ документовъ, встрѣчаются указанія на какія-то льготы, данныя по суду нѣкоторымъ крестьянскимъ общинамъ съ замѣною правительственныхъ чиновниковъ выборными народными

судьями, то вѣдь это была не болѣе какъ привилегія, какъ исключеніе изъ общаго правила, а общее правило состояло въ томъ, что какъ въ отправленіи суда, такъ и въ исправленіи разныхъ должностей, подъ правительственнымъ надзоромъ, принимали извѣстное участіе *выборные* изъ крестьянъ, но лишь потому, что на городскія и сельскія общины возлагалась отвѣтственность во взносѣ податей и сборовъ, въ соблюденіи не только въ ихъ кругу, но и въ цѣлыхъ уѣздахъ тишины и спокойствія и въ огражденіи мѣстныхъ жителей отъ воровства и разбоевъ, изъ чего слѣдуетъ, что означенные выборные люди были ничто иное какъ тѣ же чиновники, которые не допускались, а *требовались* правительствомъ, съ одной стороны, съ цѣлью полицейской, а съ другой, по неумѣнью его офиціальныхъ дѣятелей сладить съ затрудненіями, какія представлялись назначавшимся для того въ московскихъ приказахъ властямъ, высшимъ и низшимъ. Противъ этого аргумента — прибавятъ они — даже самый компетентный защитникъ самостоятельности крестьянъ въ допетровское время — покойный профессоръ Бѣляевъ не нашелся ничего возразить.

На всѣ эти дѣйствительно вѣскіе доводы я могу отвѣчать одно: я не упускаю ихъ изъ виду, не устраняю ихъ, но не имѣя въ настоящей статьѣ своей задачей возражать на нихъ отдѣльно и обстоятельно (для чего — прибавлю кстати — мнѣ пришлось бы приводить, въ подтвержденіе моихъ словъ, документы, которые еще не изданы въ свѣтъ), я тѣмъ не менѣе стою твердо на томъ, что въ средѣ всѣхъ крестьянъ, носившихъ въ разные періоды нашей исторіи разныя названія, не только съ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ, не только въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, но и въ XVIII-мъ и даже XIX-мъ вѣкѣ народный судъ и исполнители его — народные выборные, народные органы для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и частію уголовныхъ и самые судебные разборы и рѣшенія не только проявлялись случайно и самоуправно, не только терпѣлись иногда правительствомъ, но имѣютъ значеніе никогда не сходившихъ со сцены народныхъ представителей и выраженій судебной власти. Скажу болѣе: *земскіе судейки* древней Руси, носившіе офиціально такое названіе — это были настоящіе народные дѣятели, направлявшіе народную жизнь, регулировавшіе ея проявленія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно отвѣчавшіе передъ правительствомъ за проступки подвластныхъ имъ членовъ общинъ. И конечно прави-

тельство не только ихъ знало и допускало, но и требовало нерѣдко ихъ выбора, не смотря на свои административныя и полицейскія власти, именно для лучшаго охраненія государственныхъ интересовъ, ради которыхъ эти власти были имъ поставлены надъ народомъ, но оказывались и недостаточными и слабыми, чтобы сладить съ тѣмъ, что выработала искони сама народная жизнь. Въ виду этого, порядокъ моего изслѣдованія будетъ нѣсколько иной, чѣмъ моихъ достойныхъ ученыхъ товарищей, работавшихъ исключительно по печатнымъ документамъ. Я начну съ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ и актовъ, дошедшихъ до насъ отъ черносошныхъ крестьянъ допетровской эпохи и анализируя ихъ, постараюсь найти и въ другихъ документахъ, относящихся къ крестьянамъ несвободнымъ, по крайней мѣрѣ отдѣльныя слова и выраженія, которыя указываютъ на самостоятельную судебную дѣятельность и въ тѣхъ крестьянскихъ общинахъ, гдѣ она не предполагалась, или по крайней мѣрѣ не затрогивалась изслѣдователями, и за тѣмъ перейду черезъ исторію волостныхъ учрежденій XVIII-го вѣка къ нынѣшнимъ волостнымъ и сельскимъ судамъ.

Для того, чтобы съ самаго начала поставить твердое основаніе для моихъ наблюденій и выводовъ, я предложу прежде всего вопросъ: какъ сложились наши общины, городскія и сельскія, о которыхъ нашъ первый лѣтописецъ говоритъ какъ о существовавшихъ уже въ глубокую, даже и для его времени, древность? На это положительно и ясно отвѣчаетъ покойный С. М. Соловьевъ въ своей прекрасной статьѣ: „Начала русской земли“ [1]). „Мы знаемъ, говоритъ онъ, Славянъ, разумѣя подъ ними древнѣйшихъ жителей городовъ и селеній, осѣдлыми и живущими въ формѣ родоваго союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь.“ — „Родовой бытъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, это явленіе вовсе не доисторическое; мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII-й вѣкъ.“ Но эти указанія, хотя и несомнѣнно вѣрныя, суть все таки болѣе или менѣе точный выводъ многоученаго историка. Прочтемъ лучше въ самыхъ актахъ XV, XVI и

---

[1]) См. Сборн. государств. знаній, т. IV, стр. 12 и 13.

даже XVII-го столѣтій — для того, чтобы узнать, такъ сказать, въ очью, какъ нарождались еще въ эти столѣтія новыя сельскія общины — подлинныя слова, съ одной стороны, самихъ засельниковъ пустопорожнихъ земель, собиравшихъ подъ свою руку людей гулящихъ, т. е. вольныхъ и нетяглыхъ, а съ другой стороны, слова князей, великихъ и удѣльныхъ, а впослѣдствіи и царей, разрѣшавшихъ этимъ засельникамъ призывать къ себѣ и копить всякихъ людей, лишь бы не подвластныхъ самому князю или не бывшихъ въ царскомъ тяглѣ, съ дарованіемъ имъ за то на опредѣленные годы разныхъ льготъ отъ податей и другихъ повинностей [2]). Этотъ старикъ, испрашивающій своимъ *родичамъ*, которые садятся съ нимъ на новой лѣсной чищобѣ, и тѣмъ *сборнымъ*, *гулящимъ людямъ*, которыхъ они будутъ къ себѣ призывать, и получающій *свободу* отъ князя или царя и ихъ властей; этотъ *слободчикъ*, какъ могу я теперь назвать его, которому поручается государемъ главенство надъ набранной имъ колоніей, по крайней мѣрѣ до поры до времени, не есть-ли въ самомъ дѣлѣ патріархъ ее руководящій и творящій надъ нею судъ и расправу; а эта колонія не есть-ли крестьянскій *міръ*, скопленная слободчикомъ *дружина*, уже складывающаяся въ одну неразрывно связанную своими членами *сельскую общину*. Да оно и дѣйствительно было такъ. Вотъ прошли для этой общины ея льготные годы; вотъ княжескіе или царскіе писцы измѣрили и отмежевали ея пашни, покосы и лѣса, поверстали эти угодья наравнѣ съ другими въ казенные оклады и сборы; вотъ наконецъ государевы намѣстники или воеводы, съ волостелями и ихъ тіунами, взяли этихъ засельниковъ подъ свою начальственную тяжелую руку. „Нѣтъ, завопили слобожане, обращаясь съ слезною мольбою къ князю или царю, не дай намъ умереть голодною смертью отъ излишней тяготы, отъ нестерпимыхъ поборовъ и взятокъ: мы готовы платить тебѣ оброкъ и доходы, какіе на насъ положишь, но дозволь собирать ихъ намъ самимъ, по нашимъ животамъ и промысламъ, и дозволь привозить ихъ нашимъ посыльщикамъ къ тебѣ.“ И князь или царь, милуя крестьянъ, освобождаетъ ихъ вновь отъ своихъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ и разрѣшаетъ имъ управляться и вѣ-

---

[2]) Уставныхъ грамотъ, въ коихъ помѣщены указываемыя здѣсь челобитья и льготы, данныхъ челобитчикамъ князьями и царями, напечатано такъ много въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, что я считаю излишнимъ изчислять ихъ.

даться ихъ выборными головами, старостами и другими излюбленными людьми. И творятъ эти излюбленные люди судъ и расправу по извѣчнымъ уставамъ, которые живутъ въ народной памяти, какъ пошло изъ старины. Самые живые, полные интереса акты XV-го, XVI-го и XVII-го столѣтій, которые я тщательно и долго собиралъ въ разныхъ архивахъ, рисуютъ намъ картину этихъ самостоятельныхъ крестьянскихъ судовъ. Изъ найденныхъ мною документовъ видны до самыхъ подробностей выработанныя самими слобожанами начала судопроизводства, важнѣйшія основанія суда, судоговореніе и приговоры судеекъ, которымъ *такаютъ* цѣловальники и другіе добрые мужи. Но я разсмотрю все это далѣе, теперь же остановлюсь для разрѣшенія одного недоумѣнія, которое могутъ возбудить мои настоящія слова.

Я сказалъ, что *волостные* суды были у насъ искони, а здѣсь говорю о судѣ какихъ-то слобожанъ. Мнѣ могутъ замѣтить, что если и дѣйствительно были у насъ такіе суды въ привилегированныхъ селеніяхъ, называвшихся слободами, то нельзя же ихъ возводить въ народные суды, общіе всему крестьянскому населенію и сравнивать ихъ съ нынѣшними волостными судами. На это я отвѣчу, что, во-первыхъ, суды, о которыхъ я говорю, въ самыхъ актахъ вовсе не называются судами такихъ-то слобожанъ, а просто указывается, что въ такомъ-то, очевидно центральномъ для многихъ селеній мѣстѣ, которое называлось то слободой, то погостомъ, то станомъ, разбиралось такое-то дѣло, и что оно рѣшено такъ-то и такими-то судьями. Но совокупность всѣхъ селеній, подсудныхъ этому центральному пункту, называется обыкновенно въ актахъ *волостью*, а всѣ живущіе въ этой волости — *волостными людьми*, отчего и самый судъ носилъ иногда названіе *волостнаго*. Если же, во-вторыхъ, я коснулся прежде всего самостоятельнаго суда слободчиковъ, то единственно для того, чтобы выяснить происхожденіе такого народнаго суда, который производился безъ всякаго участія въ немъ княжескихъ или царскихъ чиновниковъ. Само собою разумѣется однако, что, по мѣрѣ размноженія народонаселенія, по мѣрѣ образованія новыхъ выселковъ или колоній изъ слободъ и селеній, уже давно сидѣвшихъ на своей землѣ, силою того, что къ нимъ тянули эти выселки какъ къ своему центру, въ нихъ должно было развиться нѣкоторое *главенство* или *старшинство*, которое и выразилось въ томъ, что въ древнѣйшихъ по времени селеніяхъ стали жить выборные или лучшіе мужи всей

земли или *волости* [1]), и что здѣсь земскіе судейки и цѣловальники стали творить судъ и расправу всѣмъ волостнымъ людямъ, въ вышедшихъ же изъ этихъ старѣйшихъ селеній выселкахъ хотя и могъ производиться судъ, но по дѣламъ менѣе важнымъ и особенно по дѣламъ мѣстнымъ, который, въ подражаніе нынѣшнимъ *сельскимъ* судамъ, можно назвать этимъ же именемъ, хотя въ актахъ древней Россіи оно вовсе не встрѣчается. Нельзя также не замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе народныхъ и правительственныхъ распорядковъ, судебныя власти, равно какъ и власти административныя и полицейскія, могли перемѣщаться изъ прежнихъ центральныхъ мѣстъ въ другія болѣе удобныя для прочихъ селеній, которыя должны были составлять вмѣстѣ съ ними одну волость. Отсюда видно, что самая волость имѣла въ древней Россіи тоже значеніе, какое имѣетъ она и теперь, именно какъ административная и судебная единица, и что въ центральномъ мѣстѣ этой волости производившійся судъ для всѣхъ жителей такого раіона можетъ быть по всей справедливости названъ, какъ и нынѣ, волостнымъ судомъ.

Какимъ же образомъ, спросимъ мы теперь, былъ организованъ этотъ волостной судъ въ древней Россіи? Изъ кого онъ состоялъ, какъ возбуждался и какъ производился; какія наконецъ извѣстны намъ тогдашнія рѣшенія? Обо всемъ этомъ я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ, основываясь на указанныхъ мною выше документахъ.

Составъ волостнаго суда того времени лучше всего объясняетъ намъ слѣдующая жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича отъ 1622 года, данная крестьянамъ Устьянскихъ волостей, названныхъ такъ отъ рѣки Устьи, на которой сидѣли разныя селенія этихъ волостей. „Вы били челомъ, пишетъ царь здѣшнимъ волостнымъ людямъ, что въ прежнихъ годѣхъ до московскаго разоренья у васъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не было, а судили васъ мірскіе выборные судейки. Теперь же жалуетесь вы, что назначенные къ вамъ при-

---

[1]) Слово «земля» имѣетъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ разныя значенія: иногда оно придается мѣстностямъ, занимаемымъ цѣлымъ племенемъ; иногда всѣмъ городамъ, волостямъ и селеніямъ, взаимнымъ договоромъ или правительственнымъ распоряженіемъ соединеннымъ въ одно цѣлое для отправленія какихъ либо повинностей; иногда наконецъ означаетъ поземельную общину, развившуюся изъ одного центра, но распавшуюся на нѣсколько поселковъ, тянувшихъ однако къ этому центру какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ и административныхъ, такъ и судебныхъ.

кащики чинятъ вамъ великіе налоги и продажи и вы хотите брести врознь. Вслѣдствіе сего мы повелѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, которыхъ крестьяне выберутъ всею землею и которые умѣли бы разсудить ихъ въ правду, безпосулно и безволокитно.“ За тѣмъ опредѣляется, чтобы въ каждой *волости*, которыхъ изчисляется здѣсь *пять*, лучшіе, середніе и молодшіе люди выбрали изъ *волостныхъ* крестьянъ по два лучшихъ человѣка и списки ихъ за своими руками прислали въ Москву. „Они будутъ—продолжаетъ грамота — приведены къ присягѣ, судъ же и управу должны чинить по судебнику и по уложенной вновь уставной о судѣ грамотѣ. Пошлинъ съ судебныхъ дѣлъ они не должны брать, а въ чемъ найдутъ невозможнымъ учинить управу, о томъ судные свои списки и обоихъ исцовъ должны присылать къ докладу въ Москву, въ Устюжскую четь. А цѣловалниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣть и на розсылкахъ быть, и дьячковъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писать, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давать и на судъ ставить, всѣмъ Устьянскихъ волостей крестьянамъ выбрать у себя въ волостяхъ кого межъ себя излюбятъ всѣ волостные люди, изъ каждой волости по два человѣка въ цѣловалники, да по одному дьячку земскому, да по одному доводчику и всѣхъ ихъ привести въ волостяхъ къ цѣлованью, списки же ихъ именъ за своею выборщиковъ подписью, а кто грамотѣ не умѣетъ, за подписью ихъ духовныхъ отцовъ, прислать въ Москву.“ Въ заключеніе царь угрожаетъ этимъ выборнымъ людямъ за неправый судъ и взятки смертною казнію и конфискаціей имущества, а за безволокитное и безпосульное рѣшеніе дѣлъ обѣщаетъ освободить ихъ отъ податей и пошлинъ, да и сверхъ того награждать ихъ своимъ жалованьемъ. И такъ двое судеекъ или излюбленныхъ старостъ, два волостныхъ цѣловальника, земскій дьячекъ и доводчикъ—вотъ составъ волостнаго суда. Но въ практикѣ, какъ видно изъ тогдашнихъ дѣлъ, обыкновенно выбирался одинъ земскій судейка и притомъ на одинъ годъ, а въ придачу ему участвовалъ въ судѣ старый прошлогодній судейка, что было и необходимо, ибо новый судейка отлучался нерѣдко въ Москву, на долгое время; цѣловальники выбирались также погодно, но кромѣ того засѣдали въ судахъ еще земскіе старосты, которые въ нѣкоторыхъ волостяхъ сами заступали мѣсто судеекъ, и нѣсколько лучшихъ или добрыхъ мужей, которые также выбира-

лись міромъ и назывались, по своему значенію въ судѣ, *мужами приговорными*. О томъ, на сколько всѣ эти судные люди могли знать грамотѣ, можно судить на основаніи одного акта, которымъ предписывается, чтобы умѣющіе писать непремѣнно прикладывали къ суднымъ дѣламъ свои руки, слѣдовательно такое знаніе грамотѣ не считалось, какъ видно, чѣмъ-то необыкновеннымъ [1]). Касательно земскаго дьячка должно замѣтить, что въ эту должность обыкновенно выбирался мѣстный церковный дьячокъ, почему онъ иногда называется въ актахъ и церковнымъ дьячкомъ. Выборы производились конечно на сходкѣ всѣхъ волостныхъ людей-домохозяевъ, и по ихъ количеству, вѣроятно, на улицѣ или на площади близъ волостной избы. На такую сходку созывалъ *троекратнымъ* въ разное время *кличемъ* по всѣмъ селеніямъ своей волости церковный *трапезникъ*. О выборѣ всѣхъ означенныхъ выше должностныхъ лицъ съ означеніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей составлялись акты, которые назывались *выборами*. Самый судъ производился въ *церковной трапезѣ;* по крайней мѣрѣ въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ могло не быть волостной избы. За отправленіе же должностными лицами ихъ обязанностей имъ выдавалось опредѣленное въ выборныхъ записяхъ вознагражденіе.

Жалобы подавались земскому судейкѣ, но на имя царя и въ той же формѣ, какъ подавались челобитныя въ приказахъ. Принявъ *исковую* отъ *истца*, судейка вызывалъ на опредѣленный срокъ *отвѣтчика*, давая на него *приставную*, которую долженъ былъ вручить ему *доводчикъ*. Когда такимъ образомъ являлись на судъ обѣ стороны, судейка, по прочтеніи челобитной, обращался къ отвѣтчику съ словами: „отвѣчай ты своему истцу по его челобитной.“ Если отвѣтчикъ не сознавалъ себя виновнымъ или подлежащимъ иску, судья спрашивалъ истца: „чѣмъ уличаешь ты отвѣтчика?“ И истецъ указывалъ или на сдѣланную имъ прежде явку или на свидѣтелей, или же изъявлялъ готовность подтвердить свое показаніе присягой. Согласно этому производилась справка о явкѣ, дѣлался допросъ пред-

---

[1]) На сколько въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ знаніе грамотѣ было распространеннѣе, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія, можно заключить изъ того, что судебныя дѣла и всѣ документы, которые весьма часто приводятся въ нихъ какъ доказательства, предъявленныя сторонами, составлялись на мѣстѣ, и что въ нихъ, кромѣ подписей дьячка и священника, нерѣдко встрѣчаются рукоприкладства и тяжущихся или свидѣтелей.

ставленнымъ той или другой стороной свидѣтелямъ или давалась присяга. Иногда на самомъ судѣ стороны мирились и въ такомъ случаѣ въ судномъ дѣлѣ о томъ не только записывалось, но означались и „добрые люди“ или свидѣтели, при семъ бывшіе. Но мировыя были исключеніемъ, а при документальности, какою сопровождались въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ разныя сдѣлки, письменные акты — купчія, данныя, мѣновыя, закладныя, прежніе судные списки, правыя грамоты и другія бумаги были въ процессѣ въ полномъ ходу и нерѣдко служили подтвержденіемъ показаній истца или возраженій отвѣтчика. При неимѣніи же актовъ, кромѣ упомянутыхъ выше явокъ, свидѣтелей и присяги, допускался еще, какъ доказательство, жеребей [1]). Наконецъ въ дѣлахъ спорныхъ о землѣ, въ подтвержденіе границъ владѣнія, назначалось истцу или отвѣтчику, или представляемымъ ими старожиламъ, хожденіе по межамъ съ образомъ, а иногда и съ дерномъ на головѣ или въ рукахъ. Всѣ такія доказательства обсуждались судьями, что называлось *отговоромъ*, но рѣшеніе или *приговоръ* — это и былъ техническій его терминъ—произносилось судейкой, а *заседчики*, т. е. сидѣвшіе съ нимъ на судѣ, по немъ *такали*. Весь ходъ процесса записывался дьячкомъ въ *судное дѣло*, часть котораго составлялъ приговоръ или *судный списокъ*, почему иногда и все дѣло называлось суднымъ спискомъ. Въ приговорѣ же означалось кого судьи *оправили*, т. е. оправдали, и кого *повинили*. Въ заключеніе судный актъ подписывался тѣми изъ судей, кто умѣлъ писать, и земскимъ дьячкомъ, а о незнавшихъ грамотѣ, если за нихъ не подписывался священникъ, отмѣчалось, что они „грамотѣ не умѣютъ.“

Приговоръ суда, заключавшійся иногда и въ присужденіи штрафа, приводился въ исполненіе самимъ судейкой, если же обвиненный не уплачивалъ положеннаго на него взысканія, то ставился на *правежъ* передъ цѣловальниками. О тѣлесномъ наказаніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ бывшихъ у меня актахъ не упоминается, за исключеніемъ одного, найденнаго мною указанія въ царской грамотѣ, на присужденіе въ Москвѣ *къ батогамъ* одного ослушника выборному судейкѣ, за оказанное ему этимъ ослушаніемъ безчестіе. Оправданному давалась судейкою

---

[1]) Въ судныхъ дѣлахъ XVI-го вѣка упоминается еще «поле» или поединокъ, но въ XVII-мъ столѣтіи оно уже не встрѣчается въ числѣ доказательствъ.

памяти, на основаніи которой онъ могъ впослѣдствіи доказывать и защищать свое право.

Самый любопытный вопросъ представляется намъ относительно значенія приговоровъ волостныхъ судеекъ или вообще судныхъ мужей въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ или же и обѣ стороны были *рѣшеніемъ* недовольны. Изъ дѣлъ до насъ дошедшихъ видно, что на волостной судъ апелляція допускалась, но дѣлалось различіе въ отношеніи апелляціоннаго мѣста между рѣшеніями судовъ привилегированныхъ и общихъ. На рѣшенія первыхъ жалоба должна была приноситься въ Москву, въ мѣсто, назначенное въ жаловапной льготной грамотѣ, на рѣшенія же обыкновенныхъ судовъ по дѣламъ между черносошными крестьянами въ XVII-мъ вѣкѣ — мѣстному воеводѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, воевода стоялъ въ отношеніи къ черносошнымъ волостямъ на степени второй инстанціи. Но и на его рѣшеніе допускалась еще жалоба въ Москву — въ тотъ Приказъ или Четь, какому былъ подчиненъ городъ, которымъ онъ управлялъ. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ второй инстанціей былъ прикащикъ владѣльца или домовый судья, а третьей — домовый приказъ, какіе приказы были у многихъ помѣщиковъ въ Москвѣ, при ихъ лицѣ, а также въ другихъ городахъ, если они здѣсь жили постоянно [1]). Во всѣхъ этихъ судахъ, при судьяхъ, для того поставленныхъ, встрѣчаются старосты, цѣловальники и лучшіе мужи, о которыхъ упоминается въ Судебникахъ какъ о необходимыхъ членахъ царскихъ судовъ. Основаніе, вызвавшее необходимость такихъ придаточныхъ судей, понятно: они были вѣщателями или глашатаями народной жизни, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и истолкователями тѣхъ рѣшеній, которыя, на началахъ, утверждавшихъ эти обычаи, постановлялись въ низшихъ судахъ. Изъ судовъ крестьянскихъ, при предстоявшемъ въ Москвѣ разборѣ дѣла, рѣшеннаго въ волости, обыкновенно отправлялись туда, для участія въ судѣ, иногда одинъ изъ судеекъ, а иногда цѣловальникъ. И въ дворцовыхъ волостяхъ. если судъ чинили не выбранные крестьянами судейки, а поручался онъ царскому прикащику, при немъ должны были также находиться лучшіе люди.

Останавливаясь, въ заключеніе моего отчета объ актахъ, до-

---

[1]) О судахъ въ имѣніяхъ духовныхъ властей, монастырскихъ и дворцовыхъ я не говорю здѣсь особенно, потому что они имѣли обыкновенно каждый свое особое положеніе, по крайней мѣрѣ въ высшей инстанціи, но и въ нихъ замѣтны слѣды то одной, то двухъ низшихъ инстанцій.

шедшихъ до насъ относительно устройства волостныхъ судовъ и рѣшенія въ нихъ дѣлъ, на ихъ содержаніи, я долженъ сказать, что оно ограничивалось преимущественно, съ одной стороны, хозяйственною и имущественною сферою, стоявшею въ сельской жизни и въ взаимныхъ между крестьянами отношеніяхъ на первомъ планѣ, а съ другой — разборами личныхъ ссоръ и недоразумѣній, а иногда и преступленій, встрѣчавшимися въ ихъ средѣ. Отсюда видно, что лежащіе передъ нами судные списки относятся главнымъ образомъ къ дѣламъ гражданскимъ, и лишь изрѣдка встрѣчаются въ нихъ и производства по дѣламъ уголовнымъ. Такимъ образомъ, въ нихъ разбираются права собственности, сила предъявленныхъ на судъ документовъ и другихъ доказательствъ и взаимныя между тяжущимися обиды; обсуждаются расходы и самовольныя издержки мірскихъ суммъ; повѣряются на мѣстахъ завладѣнія и границы или межевые признаки; сводятся счеты и взаимныя недоразумѣнія между разными сельскими обществами по лежащимъ на нихъ передъ правительствомъ повинностямъ, и т. под. Встрѣчаются также указанія на временное порученіе выборнымъ судейкамъ „дѣлъ татиныхъ и разбойныхъ“ и распоряженія воеводъ о допросѣ судейками всѣхъ волостныхъ людей чрезъ повальный обыскъ..

Изъ сказаннаго видно, что XVI-й и особенно XVII-й вѣкъ оставили намъ обильные матерьялы для изученія самостоятельнаго крестьянскаго суда, преимущественно благодаря письменности, которая требовалась присутственными мѣстами того времени какъ въ отношеніи сдѣлокъ и условій разнаго рода, такъ и судебныхъ разборовъ тяжебныхъ и другихъ дѣлъ. На сколько въ этомъ отношеніи бѣднѣе и менѣе поэтому доступенъ для изученія XVIII-й вѣкъ, мы еще положительно сказать не можемъ, ибо матерьялы этого вѣка еще не были до сихъ поръ достаточно разсмотрѣны и даже, можно сказать, почти неизвѣстны. Но совершившаяся перемѣна въ судоустройствѣ и въ судопроизводствѣ въ разныя царствованія, главнымъ же образомъ подчиненіе правительствомъ волостей ближайшему завѣдыванію мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ органовъ заставили конечно и казенныхъ, а также и другихъ крестьянъ отказаться отъ письменнаго производства при своихъ домашнихъ разборахъ, хотя отсюда не слѣдуетъ, чтобы они прекратили и самые разборы и отказались отъ выбора для нихъ судеекъ или должностныхъ лицъ подъ другими названіями. Одинъ дворцовый актъ, относящійся

еще къ половинѣ XVI-го вѣка, даетъ намъ ключь къ объясненію съ этой точки зрѣнія домашнихъ разборовъ своихъ дѣлъ крестьянами разныхъ вѣдомствъ. Именно въ одной указной грамотѣ, писанной изъ Дворцоваго Приказа Вологодскаго уѣзда въ село Воздвиженское съ деревнями, о хлѣбной дачѣ Кирилобѣлозерскому монастырю, распоряженіе адресовано не на имя дворцоваго прикащика, а на имя старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ значится и *выборный судья* [1]). Этотъ терминъ „выборные судьи“, а чаще и наконецъ даже исключительно „*выборные*“, встрѣчается за тѣмъ постоянно во всѣхъ волостныхъ селеніяхъ не только казенныхъ и дворцовыхъ, но также духовныхъ волостей, синодальныхъ и экономическихъ. Что же касается до волостей, какъ административныхъ частей уѣздовъ, то и о нихъ есть точныя свѣдѣнія въ дѣлопроизводствахъ петровскаго и ближайшаго къ нему времени, и въ этихъ актахъ упоминаются также, среди правительственныхъ органовъ, и *выборные міромъ*, т. е. крестьянами каждаго отдѣльнаго сельскаго общества. Для примѣра и въ подтвержденіе моихъ словъ, я могу привести ревизскія сказки всѣхъ первыхъ трехъ ревизій, въ которыхъ встрѣчаются, именно вслѣдствіе того, что онѣ подавались „съ вѣдома мірскихъ людей“ и притомъ лицами, которымъ они преимущественно довѣряли такую подачу, неупоминаемыя обыкновенно въ тогдашнихъ официальныхъ дѣловыхъ бумагахъ, и названіе *волостей*, уцѣлѣвшихъ, какъ оказывается, и въ своемъ составѣ и въ своей хозяйственной, если не административной связи, и термины *выборный*, *выборный волостной*, *староста волостной* и выборные въ слободахъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ упоминается даже село Оковцы какъ центръ *Оковецкой волости*, состоящей изъ этого села съ числящимися при немъ деревнями [2]).

---

[1]) Этотъ актъ напоминаетъ намъ и многіе другіе дворцовые акты, начиная съ XIV-го даже столѣтія по XVIII-й вѣкъ, въ которыхъ дворцовымъ крестьянамъ предоставлялось самоуправленіе подъ условіемъ исправнаго доставленія въ Москву ежегодныхъ дворцовыхъ запасовъ.

[2]) См. ревизскія сказки первыхъ трехъ ревизій, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Въ подтвержденіе того, что названіе *волостей* и волостныхъ и сельскихъ *выборныхъ* продолжалось въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, я укажу здѣсь особенно на ревизскія сказки губерній Воронежской и Ярославской (1719 — 1721 г.), Московской, Тверской, Новгородской и Нижегородской (1744 — 1751 г.), и по Московской губ. 1773 г. Замѣчу еще, что даже въ одномъ официальномъ актѣ — рапортѣ, присланномъ въ Сенатъ изъ Пермскаго намѣстническаго правленія, отъ 27 мая 1788 г., упоминаются существующія здѣсь волости Ирбитская, Рудная и Киргинская (см. дѣло Сената 1-го деп. по Статсъ-Конторѣ и Ревизіонъ-Коллегіи 1787 г.) Впрочемъ ближайшія указанія на продолжавшееся и въ XVIII-е сто-

Такимъ образомъ нельзя считать нововведеніемъ встрѣчающееся въ царствованіе Императрицы Екатерины II правительственное распоряженіе имѣть въ учреждаемыхъ вновь селеніяхъ „выборныхъ отъ крестьянъ“. За тѣмъ, въ царствованіе Императора Павла, 7 августа 1797 года, какъ бы вновь, но конечно на основаніи прежнихъ практическихъ данныхъ, селенія разбиваются на волости, а въ отдѣльныхъ волостяхъ и приписанныхъ къ нимъ селеніяхъ, подобно тому какъ было въ томъ же году заведено въ удѣльныхъ имѣніяхъ, учреждаются „выборные крестьянами волостные головы“, „выборные или старосты“, сельскіе и деревенскіе, и писаря, при чемъ въ главныхъ изъ волостныхъ селеній назначается быть „волостному правленію“. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ это положеніе какъ-бы буквально списано съ актовъ XVII вѣка, такъ наприм. чтобы раскладка крестьянами податей и другихъ сборовъ дѣлалась по каждому селенію особо, а не по мірскому приговору всей волости; по судебныя права волостнаго головы противъ правъ бывшихъ земскихъ судеекъ весьма ограничены — ясный признакъ, что на самомъ дѣлѣ „положеніе“ составлено не на основаніи документовъ прошлаго столѣтія, а на основаніи современныхъ въ означенное царствованіе у крестьянъ порядковъ съ измѣненіемъ ихъ согласно практическимъ соображеніямъ составителей положенія [1]). Узаконеніе это оставалось въ силѣ до изданія для казенныхъ крестьянъ въ 1838 и 1839 годахъ учрежденія объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ и сельскаго судебнаго устава съ открытыми на основаніи его крестьянскими судами или, какъ они здѣсь названы, расправами, волостной и сельской. Не изчезли, наконецъ, даже до половины настоящаго столѣтія „выборные“ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: я самъ еще помню въ одномъ имѣніи моей матери „выборнаго“, который, нося это имя, отдѣлялся отъ господскаго старосты и конечно имѣлъ свое значеніе въ крестьянскихъ дѣлахъ не подлежавшихъ ближайшему контролю помѣщика или его прикащика и старосты [2]).

лѣтіе существованіе волостныхъ округовъ (волостей) встрѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ официальныхъ и частныхъ документахъ, какъ очевидно, между прочимъ, изъ трудовъ В. И. Семевскаго, посвященныхъ быту крестьянъ этого столѣтія.

[1]) См. Полн. Собр. Закон., собр. 1, т. XXIV, № 18,082, а также указанія по этому предмету проф. А. О. Кистяковскаго въ его статьѣ «Очерки волостнаго суда» въ «Трудахъ этнограф. статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, отд. югозап.», т. VI, стр. 7—8.

[2]) Не могу не обратить здѣсь вниманія на одно обстоятельство, которое упу-

За отсутствіемъ данныхъ для болѣе точнаго уясненія состава волостей и народныхъ должностныхъ лицъ въ волостныхъ и сельскихъ общинахъ и судахъ въ XVIII-мъ столѣтіи и первой половинѣ XIX-го, мы переходимъ къ волостямъ и волостнымъ судамъ, открытымъ въ 1861-мъ и слѣдующихъ годахъ, съ изданіемъ знаменитыхъ положеній о крестьянахъ, какъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ, сибирскихъ, горнозаводскихъ, приписныхъ и всѣхъ прочихъ. Великое дѣло царя-освободителя стало и знаменемъ возстановленія вновь самостоятельнаго суда многомилліоннаго крестьянскаго населенія. Этотъ судъ сдѣлался опять свободнымъ и народнымъ. Опять являются передъ нами живыми, не таящимися болѣе отъ дневнаго свѣта, волостные судьи, что съ извѣчныхъ временъ давали свою управу въ слободахъ, погостахъ, селахъ и другихъ волостныхъ центрахъ и оглашали народную правду не только въ городахъ, передъ князьями и правительственными судьями, но и въ Москвѣ, въ приказахъ, передъ боярами и даже на глазахъ самихъ царей и патріарховъ. И всѣмъ намъ не только открыты теперь двери въ эти волостные суды, но уже ревизовала ихъ дѣятельность въ разныхъ губерніяхъ цѣлая коммиссія министерства юстиціи и не только ревизовала, но и собирала ихъ рѣшенія, обнародовала ихъ и представила свои выводы изъ составленныхъ на мѣстахъ данныхъ объ этихъ судахъ. Съ своей стороны я разсматривалъ во многихъ волостныхъ правленіяхъ книги съ записанными въ нихъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, а сверхъ того изъ разныхъ губерній получилъ обстоятельныя выписки изъ такихъ книгъ. Какія же могутъ быть сдѣланы заключенія о практическомъ значеніи этихъ народныхъ судовъ какъ для крестьянъ, такъ и для лицъ иныхъ сословій? На сколько они важны и полезны тѣмъ и другимъ? Подлежатъ ли они сохраненію или же совершенному закрытію, или наконецъ лишь болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ? — вотъ, думаю

скается изъ виду при обсужденіи быта крестьянъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и тѣхъ, которыя до послѣдней реформы находились въ особой зависимости отъ поставленныхъ надъ ними властей: предполагается обыкновенно, что въ такихъ имѣніяхъ крестьяне вовсе не имѣли «своего права и суда». Но достаточно вспомнить, что въ мірскихъ общинахъ у крестьянъ всѣхъ разрядовъ бывали свои хозяйственныя, земельныя и другія дѣла, свои разборы въ денежныхъ и семейныхъ счетахъ, свои выборы для исправленія дѣлаемыхъ имъ порученій лицъ, о которыхъ не заботились означенныя власти (наприм стариковъ, увѣчныхъ, женщинъ и даже дѣтей): отсюда бывшіе всегда и продолжающіеся и донынѣ сходы, въ которыхъ важную роль занимаютъ бывалые и опытные домохозяева, не имѣющіе никакого официальнаго значенія.

я, существенные вопросы, на которыхъ мнѣ слѣдуетъ теперь остановиться, ибо устройство, предметы вѣдомства и вся обстановка волостныхъ судовъ конечно всѣмъ хорошо извѣстны не только изъ обнародованныхъ въ свое время положеній, но и изъ другихъ относящихся до нихъ изданій; притомъ мнѣ придется кстати говорить обо всемъ этомъ, сводя въ одно важнѣйшія основанія, представляющіяся какъ противъ дальнѣйшаго существованія такихъ судовъ, такъ и въ ихъ пользу.

Я уже высказалъ разъ мое мнѣніе по этому предмету и не имѣю доселѣ основанія измѣнять его [1]). Читая рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя большею частію весьма кратко, далеко не толково, съ указаніями обыкновенно не на настоящія основанія народныхъ приговоровъ — мѣстные обычаи.—а на статьи Свода Законовъ, которыя пріискиваетъ писарь-самоучка, по которыхъ не могутъ отвергать неграмотные судьи, ибо они видятъ въ этихъ законахъ царское слово, царскій приказъ; усматривая въ обсуждаемыхъ нами приговорахъ вліяніе не только этого писаря, но и волостнаго старшины, заботливо устраненнаго составителями крестьянскихъ положеній отъ всякаго участія въ народныхъ судахъ; встрѣчая наконецъ въ самомъ изложеніи дѣлъ и въ исполненіи волостныхъ рѣшеній указанія не только на народ-

---

[1]) См. мою статью подъ заглавіемъ: «Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству», помѣщенную въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи» т. VIII. Въ этой статьѣ, выражая полное сочувствіе тому, что приводится въ пользу волостныхъ судовъ, я не могъ, съ другой стороны, не указать на тѣ возраженія, которыя дѣлаются ихъ противниками. «Чтобы убѣдиться — говорилъ я — въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ, что̀ видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей или наконецъ основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла — обычай — не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, т. е. не знающаго крестьянскаго быта, и юриста, т. е. лица, знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедливыми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самыми, повидимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, наприм., рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частью вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороною оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розысканія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было».

ное суевѣріе, на незнаніе или искаженіе религіозныхъ истинъ, но и на нарушеніе даже положительныхъ по крестьянскому дѣлу законовъ, изданныхъ съ цѣлью ограничить или совершенно воспретить ложные пріемы, укоренившіеся въ народѣ, наприм. для дознанія истины—пытку и для наказанія — сѣченіе розгами, — мы не можемъ быть сторонниками такого дѣлопроизводства. Но стоитъ только обратиться съ живою рѣчью къ этимъ народнымъ судьямъ; стоитъ послушать, особенно на сельскихъ сходахъ, въ которыхъ подчасъ и донынѣ рѣшаются стариками тяжебныя дѣла, хозяйственные споры и общественные распорядки, ихъ полные практическаго смысла доводы, какъ взглядъ на непригодность этихъ умныхъ и смѣтливыхъ стариковъ къ дѣлу суда совершенно измѣняется. Это ясное пониманіе своихъ домашнихъ и общественныхъ нуждъ; эти трезвыя сужденія, не поддающіяся ни житейской непріязни къ подсудимымъ, ни страху передъ сильными людьми, ни презрѣнію къ безпомощнымъ и слабымъ—все это невольно располагаетъ васъ въ пользу этихъ неграмотныхъ, но крайне разсудительныхъ стариковъ. Справедливость ихъ въ рѣшеніяхъ доходитъ до того, что многіе помѣщики по порубкамъ крестьянами въ ихъ лѣсахъ и по потравамъ въ ихъ поляхъ и лугахъ обращаются съ жалобами въ волостные суды и удовлетворяются этими судами несравненно скорѣе и лучше, чѣмъ мировыми судьями. Слѣдовательно, не въ самой природѣ, не въ притупленной отъ тяжелыхъ работъ способности, не въ недостаткѣ ума, смѣтливости и чувства правды въ простолюдинѣ должно искать причину многихъ дѣйствительныхъ недостатковъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ подлежащихъ волостнымъ судамъ. Постараемся подтвердить это мнѣніе наше небольшимъ обзоромъ данныхъ, собранныхъ въ „Трудахъ“ упомянутой выше коммиссіи министерства юстиціи о волостныхъ судахъ, которыми выясняются не только производства этихъ послѣднихъ, а также судовъ сельскихъ сходовъ, но и независимо отъ нихъ и другіе способы, какіе существуютъ у крестьянъ разныхъ мѣстностей для обсужденія и рѣшенія встрѣчающихся у нихъ гражданскихъ и отчасти уголовныхъ дѣлъ [1]). Этотъ обзоръ имѣетъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ большее значеніе, что онъ знакомитъ насъ и съ тѣми словесными судами, какіе, безъ сомнѣнія, практиковались въ крестьянскомъ быту

---

[1]) См. сверхъ шести томовъ означенныхъ трудовъ также изданные тою же коммиссіею «выводы изъ собранныхъ на мѣстахъ данныхъ о волостныхъ судахъ» (Спб. 1874 г.). Ср. помѣщенную въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1880 г. (№№ 6 и 7) ст. *И. Скоробогатаго* «Устройство крестьянскихъ судовъ».

и въ теченіи того времени, когда официальные источники упоминали объ нихъ лишь въ томъ смыслѣ, что они воспрещаются [1]), притомъ частныя свѣдѣнія объ нихъ едва-ли и найдутся.

Какъ въ „Положеніяхъ“ о крестьянахъ, такъ особенно въ практикѣ, встрѣчается одноличный судъ сельскаго старосты и волостнаго старшины, но съ одной стороны онъ возникаетъ изъ тѣсной связи того и другаго со всѣмъ строемъ сельской общины и волости, а съ другой, вслѣдствіе того, что судныя дѣла крестьянъ обыкновенно вносятся ими, какъ должностными лицами, въ волостной судъ и они пользуются этимъ, чтобы склонять тяжущихся къ мировымъ сдѣлкамъ. Настоящіе же сельскіе суды суть коллегіальные, т. е. состоятъ изъ нѣсколькихъ судей, преимущественно людей пожилыхъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ своихъ односельцевъ и опытныхъ въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разбору. Иногда такіе судьи выбираются на болѣе или менѣе опредѣленное время и называются *выборными*, а также *добросовѣстными* [2]); иногда сельскіе старосты разбираютъ спорныя дѣла вмѣстѣ съ излюбленными обѣими сторонами стариками, въ числѣ коихъ встрѣчается обыкновенно одинъ изъ волостныхъ судей; иногда наконецъ судилище составляетъ цѣлый сходъ, сельскій или волостной. Бываютъ сверхъ того особые суды для разбора дѣлъ между отдѣльными сельскими обществами. Мы конечно не можемъ разсматривать здѣсь всѣ тѣ случаи, когда имѣютъ мѣсто тѣ или другіе изъ изчисленныхъ судовъ; не можемъ также выяснить тѣ основанія, которыми они руководствуются въ своихъ разборахъ и на сколько приводятся въ исполненіе постановляемыя ими рѣшенія: считаемъ достаточнымъ остановиться лишь на томъ выводѣ, что каждый изъ приведенныхъ судовъ имѣетъ свое основаніе въ подлежащихъ ему дѣлахъ, и что во всякомъ случаѣ судъ сельскаго общества, какъ бы онъ ни назывался, имѣетъ большое значеніе, какъ первая инстанція народнаго суда по той близости, въ какой онъ находится къ тяжущимся и преступникамъ, если обсуждается какое-либо противузаконное дѣйствіе. Вотъ почему нельзя не придти къ заключенію, что сельскіе суды, существующіе вѣрнѣе вслѣдствіе

---

[1]) Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ XVIII-е столѣтіе. Указаніемъ же на воспрещеніе такимъ судамъ собираться и рѣшать дѣла, я обязанъ В. И. Семевскому, который встрѣтилъ такого рода свѣдѣніе въ документахъ царствованія Екатерины II.

[2]) Такихъ «добросовѣстныхъ» я помню еще въ крѣпостное время въ моемъ сердобскомъ имѣніи.

обычая, укоренившагося издревле въ народной жизни, нежели на основаніи закона, такъ какъ въ „Положеніяхъ о крестьянахъ“ они вовсе не выдѣлены ни своимъ составомъ, ни предметами вѣдомства изъ числа дѣлъ, подлежащихъ сельскому сходу, — требуютъ точнѣйшаго опредѣленія ихъ устройства, занятій, дѣлопроизводства и силы ихъ рѣшеній, какъ первой инстанціи суда. Въ настоящее же время весь исходъ разнообразныхъ сельскихъ судовъ, говоря строго, ограничивается примиреніемъ тяжущихся, ибо тѣ наказанія или взысканія, которыя практикуются въ селеніяхъ, на основаніи рѣшенія того или другаго сельскаго суда, не имѣютъ опредѣленнаго законнаго основанія.

Волостные суды, какъ выяснилось изъ отвѣтовъ, данныхъ, съ одной стороны, самими крестьянами разныхъ губерній, а съ другой, должностными лицами, знакомыми съ крестьянскими дѣлами, представляютъ не коллегіальное учрежденіе, а почти всюду собраніе неграмотныхъ людей, опутываемыхъ, съ одной стороны, докладомъ дѣла и вставочными рѣчами волостнаго старшины, а съ другой — ссылками писаря на статьи свода законовъ, которыя онъ приводитъ по своему усмотрѣнію и надобности. Упадокъ нравственности и излишнее пристрастіе къ вину, отъ котораго не отказываются часто волостные судьи даже передъ самымъ разборомъ дѣла (если съумѣетъ заманить ихъ въ свои сѣти тотъ или другой изъ тяжущихся), считаются и самими крестьянами поводомъ къ неправильности рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣніе волостнаго старшины или запугиваніе со стороны писаря могли-бы и не склонять судей къ неправильному рѣшенію. Наконецъ существующій порядокъ обжалованія приговоровъ волостнаго суда не только крестьянамъ не понятенъ, но— при неразвитости ихъ въ юридическомъ отношеніи — признается ими служащимъ не къ отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній, а лишь къ оттяжкѣ и замедленію тяжбы. Тѣмъ не менѣе большинство допрошенныхъ заявило, что волостной судъ крайне важенъ и дорогъ для крестьянъ по своей близости къ населенію, по однородности взглядовъ и понятій въ тяжебныхъ дѣлахъ судей и сторонъ, по возможности обходиться безъ расходовъ на путевыя издержки и на наемъ повѣренныхъ, что было бы неизбѣжно при судѣ въ другихъ учрежденіяхъ: только желательно — добавляли они въ заключеніе — чтобы сдѣланы были необходимыя въ волостномъ судѣ перемѣны. Къ нимъ, кромѣ отмѣны указанныхъ

выше недостатковъ, они относятъ: передачу въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ учрежденій тѣхъ проступковъ, за которые закономъ опредѣлено заключеніе въ тюрьму; ограниченіе подсудности по дѣламъ гражданскимъ уменьшеніемъ цѣны иска (для крестьянъ — какъ оказывается — при ихъ бѣдности, и сумма 100 руб. слишкомъ высока); наконецъ учрежденіе высшей апелляціонной инстанціи.

Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ этихъ краткихъ, но вѣрныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ, можно сказать, изъ устъ самихъ крестьянъ? Не выродились-ли въ самомъ дѣлѣ рѣшенія сельскихъ судовъ, подъ вліяніемъ закона, въ ничтожныя постановленія, если они не ограничиваются мировыми сдѣлками и одинъ изъ тяжущихся захочетъ продолжать тяжбу? А рѣшенія волостныхъ судовъ не представляютъ-ли обратно, вслѣдствіе неправильнаго хода крестьянской жизни, весьма часто странную пародію, которая дѣйствительно возмущаетъ ихъ посѣтителя? Такъ волостной старшина, не имѣющій собственно никакихъ правъ по суду, царитъ въ его засѣданіяхъ, защищаетъ или обвиняетъ подсудимыхъ и наконецъ направляетъ дѣло къ рѣшенію по своему усмотрѣнію; такъ судьи, эти смѣтливые и толковые разборщики дѣлъ на сельскихъ судахъ и сходкахъ, обыкновенно молчатъ, устремляя взоръ на писаря, а писарь самоувѣренно, съ книгою въ рукѣ, изрекаетъ законъ и угрожаетъ имъ за его нарушеніе [1]). Я уже не говорю ничего болѣе сказаннаго выше объ обильныхъ винныхъ угощеніяхъ, какими нерѣдко ублажаютъ судей и писаря еще до суда и послѣ суда смѣтливые истцы и ходаки по крестьянскимъ дѣламъ. А между тѣмъ какой въ самомъ дѣлѣ контроль и пересудъ установлены для рѣшеній волостныхъ судовъ при такихъ условіяхъ? Это рѣшенія окончательныя, ибо могутъ отмѣняться лишь вслѣдствіе формальныхъ нарушеній закона, въ кассаціонномъ порядкѣ. Правда, что по суммѣ исковъ и по подлежащимъ волостнымъ судамъ дѣламъ (не свыше 100 рублей) они съ точки зрѣнія людей достаточныхъ

---

[1]) Одинъ изъ волостныхъ писарей, недовольный этимъ нашимъ мнѣніемъ, счелъ долгомъ помѣстить въ опроверженіе его замѣтку въ № 147 (за 1880 г.) «Виленскаго Вѣстника». Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться этимъ возраженіемъ, ибо имъ подтверждается лишь то, что указанные нами дѣйствія и пріемы волостныхъ старшинъ и писарей (конечно, они могутъ встрѣчаться и не повсемѣстно) воспрещаются и закономъ и высшей администраціей, точно также какъ и мнѣніе наше о необходимости *апелляціонной* инстанціи не устраняется его же замѣчаніемъ, что рѣшеніе волостнаго суда не приводится въ исполненіе до истеченія мѣсячнаго срока и слѣдоват. можетъ быть обжаловано въ силу закона: конечно можетъ, но какъ мы сказали, лишь въ *кассаціонномъ* порядкѣ.

ничтожны; но нельзя оставлять безъ вниманія положеніе крестьянъ, для которыхъ и небольшія суммы и неважныя съ означенной точки зрѣнія дѣла имѣютъ большое значеніе. Поэтому возможность пересмотра крестьянскихъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ волостныхъ судахъ, высшей *апелляціонной* инстанціей, имѣла бы для нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, свою хорошую сторону.

Если же такимъ образомъ неотложно требуются измѣненія какъ въ отношеніи къ сельскимъ судамъ, такъ особенно въ отношеніи къ судамъ волостнымъ, то спрашивается однако: можетъ-ли быть также неотложно къ этому приступлено? Не зависитъ-ли такая возможность отъ возвышенія съ одной стороны народной грамотности и народной нравственности, а съ другой — отъ предоставленія крестьянамъ возможности заявлять свои права, основанныя на мѣстныхъ обычаяхъ, и въ высшемъ апелляціонномъ судѣ, если таковой будетъ установленъ? Но грамотность, но улучшеніе нравственности, тѣсно связанныя съ возвышеніемъ религіозныхъ воззрѣній крестьянъ, которые ограничиваются доселѣ одною обрядовою стороною православія, и наконецъ основательная выработка не только значенія мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, но и программы для изложенія выражающихся въ нихъ началъ народной жизни на столько, чтобы необходимость примѣненія тѣхъ или другихъ обычаевъ въ данномъ случаѣ была вполнѣ ясна и наглядно убѣдительна не только для самихъ крестьянъ, но и для высшихъ судовъ — все это вмѣстѣ взятое не есть-ли такая задача, которая должна устрашить самыхъ ревностныхъ защитниковъ волостнаго суда, если-бы потребовалось ея выполненіе? Кому, однако, можетъ предлежать осуществленіе такой задачи, какъ не нашему высшему сословію, которое еще недавно такъ охотно и легко отказалось отъ бывшаго за нимъ крѣпостнаго права, и ему ли — спрашиваю я — страшиться взять на себя этотъ славный подвигъ — развитіе въ народѣ грамотности, нравственности и религіозности; а что касается до составленія программы народныхъ юридическихъ обычаевъ и ихъ изученія, то за это уже принялись разныя общества, коммиссіи и частныя лица. Да поможетъ намъ Богъ!

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній», Т. VIII.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 26 Декабря 1880 года.

Въ типографіи В. Безобразова и К°.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

2007051337